

Иеринг Рудольф фон

Борьба за право

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р83

Р83 **Рудольф фон И.**
Борьба за право / Иеринг Рудольф фон – М.: Книга по Требованию, 2022. –
76 с.

ISBN 978-5-519-86822-8

ISBN 978-5-519-86822-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Рудольфъ фонъ-Іерингъ.

Своему уважаемому другу

г-жа Августъ фонъ-Литтровъ-Бишофъ

въ напомниманіе

о постоянной признательности и преданности

при своемъ отъездѣ изъ Вѣны (1872)

посвящаетъ

Авторъ

Предисловіе.

Весною 1872 года я сдѣлалъ въ юридическомъ обществѣ въ Вѣнѣ докладъ, который лѣтомъ того же года я напечаталъ въ существенно расширенномъ и рассчитанномъ на болѣе широкій кругъ читателей видѣ подъ заглавіемъ „Борьба за право“ (Der Kampf um's Recht). Цѣль, которая руководила мною при созданіи и опубликованіи этого произведенія, была прежде всего не столько теоретической, сколько этико-практической, направленной на содѣйствіе не столько научному познанію права, сколько тому настроенію, изъ котораго право должно черпать свою послѣднюю силу: настроенію мужественнаго и настойчиваго проявленія правового чувства.

Рядъ послѣдующихъ изданій, которыя выдержало это маленькое произведеніе, служить мнѣ доказательствомъ того, что своимъ первымъ успѣхомъ оно обязано не прелести новизны, а убѣжденію широкой публики въ правильности защищаемаго въ немъ основнаго взгляда. Въ этомъ выводѣ укрѣпляетъ меня также свидѣтельство другихъ странъ, выразившееся въ чрезвычайно большомъ числѣ переводовъ этого произведенія.

Въ позднѣйшихъ изданіяхъ я выпустилъ прежнее начало, такъ какъ въ немъ высказывалась мысль, которая при незначительности предоставленнаго для нея мѣста казалась не совсѣмъ понятной. И не знаю, не слѣдовало ли мнѣ, приступая къ распространенію этого произведенія въ кругахъ не-специалистовъ, выпустить всѣ тѣ его части, которыя имѣютъ въ виду больше юристовъ, чѣмъ профановъ, какова, въ особенности, заключительная часть о римскомъ правѣ и современной его теоріи (стр. 58 и слѣд.). Если бы я могъ предвидѣть ту популярность, которую завоевало это мое произведеніе, я съ самаго начала придалъ бы ему другой видъ, но, ведя свое происхожденіе изъ доклада, прочитаннаго передъ юристами, это сочиненіе согласно его первоначальному назначенію рассчитано прежде всего на послѣднихъ, и я не считалъ нужнымъ ничего измѣнять въ немъ, такъ какъ это обстоятельство не оказалось препятствіемъ для распространенія его въ кругахъ не-специалистовъ.

По существу изложенія и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ не сдѣлалъ никакихъ измѣненій. Основную идею моего произведенія я признаю и теперь, какъ и раньше, настолько безспорно правильной и неопровержимой, что считаю напрасной тратой словъ возраженія по адресу тѣхъ, кто ее оспариваетъ. Кто не чувствуетъ, что въ томъ случаѣ, когда его право подвергается обидному презрѣнію и попирается ногами, дѣло идетъ не только о предметѣ этого права, но и о его собственной личности,—кто, находясь въ подобномъ положеніи, не испытываетъ настоятельной потребности защищать себя и свое право,—тому нельзя помочь, и у меня нѣтъ никакого интереса убѣждать такого человѣка. Это—тишъ, съ которымъ нужно считаться просто, какъ съ фактомъ, тишъ филистера права, какъ можно было бы его назвать; доморощенный эгоизмъ и матеріализмъ являются его отличительными чертами. Его нельзя было бы назвать Санчо-Панса права, если бы въ каждомъ, кто при защитѣ своего права преслѣдуетъ интересы другого рода, чѣмъ интересы своего жармана, онъ не видѣлъ Донъ-Кихота. Я не нахожу для него другихъ словъ, кромѣ словъ Канта, которые стали мнѣ извѣстны впервые послѣ появленія въ свѣтъ этого произведенія: „кто дѣлаетъ себя червякомъ, тотъ не можетъ потомъ жаловаться, когда его топчутъ ногами“ *). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 185) Кантъ называетъ это „швыряніе своихъ правъ подъ ноги другихъ нарушеніемъ обязанности человѣка по отношенію къ самому себѣ“, и изъ „обязанности по отношенію къ человѣческому достоинству въ насъ самихъ“ онъ выводитъ положеніе: „Не позволяйте другимъ безнаказанно попирать ногами ваше право“. Это—та же самая мысль, которую я въ моемъ сочиненіи подвергъ дальнѣйшему развитію; она написана въ сердцѣ и тысячи разъ проявляется наружу у всѣхъ сильныхъ индивидовъ и народовъ. Единственная заслуга, на которую я могу претендовать, заключается въ систематическомъ обоснованіи и болѣе точномъ выраженіи этой мысли.

Интересное дополненіе къ моему сочиненію далъ д-ръ А. Шмидль: Ученіе о борьбѣ за право въ отношеніи къ иудейству и древнѣйшему христіанству. (A. Schmiedl, Die Lehre vom Kampf um's Recht im Verhältniss zu dem judenthum und dem ältesten Christenthum. Wien 1875). Изреченіе еврейскаго юриста, которое онъ приводитъ на стр. 15: „Является ли объектомъ права пфеннигъ или сто гульденовъ, это пусть будетъ безразлично въ твоихъ глазахъ“—вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что я развилъ на стр. 24—25. Поэтическую обработку этой темы далъ Карлъ Эмиль Фран-

*) Kant, Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre (Метафизическія основанія ученія о добродѣтели), Aufl. 2, Kreuznach 1800, S. 133.

цозъ въ своемъ романѣ: „Борьба за право“, о которомъ я высказался въ этомъ же сочиненіи (стр. 52). Отзывовъ, которые вызвало мое произведеніе какъ въ мѣстной, такъ и въ иностранной литературѣ, появилось такое необычайное множество, что я воздерживаюсь отъ приведенія ихъ.

Предоставляя самому сочиненію убѣдить читателя въ правильности взгляда, который оно защищаетъ, я ограничиваюсь здѣсь тѣмъ, что прощу лицъ, которыя считаютъ себя призванными возражать мнѣ, о двухъ вещахъ. Во-первыхъ—о томъ, чтобы они дѣлали это, не прибѣгая къ предварительному искаженію моихъ взглядовъ и вытравленію меня защитникомъ раздоровъ и споровъ, сутяжничества и сварливости, тогда какъ я въ дѣйствительности требую борьбы за право вовсе не при всякомъ спорѣ, а только тамъ, гдѣ нападеніе на право заключаетъ въ себѣ въ то же время и неуваженіе къ личности (стр. 26—28). Уступчивость и снисходительность, кротость и миролюбіе, мировое соглашеніе и отказъ отъ осуществленія права находятъ съ полнымъ просторомъ для себя подобающее мѣсто и въ моей теоріи; она высказывается только противъ недостойнаго непротивленія произволу, вызываемаго трусостью, стремленіемъ къ покою, дряблостью.

Второе мое желаніе заключается въ томъ, чтобы тотъ, кто хочетъ уяснить себѣ мою теорію, сдѣлалъ попытку со своей стороны противопоставить позитивной формулѣ практическаго поведенія, которую моя теорія развиваетъ, другую позитивную формулу; тогда онъ скоро убѣдится, куда это его приведетъ. Что долженъ дѣлать управомоченный, когда его право попирается ногами? Тотъ, кто можетъ дать на это отличающійся отъ моего, безспорный, т. е. согласный съ существованіемъ правопорядка и съ идеей личности, отвѣтъ, тотъ разбилъ меня въ спорѣ; кто же этого не можетъ сдѣлать, тому остается только на выборъ или согласиться со мною, или удовлетвориться тою половинчатостью, которая служить признакомъ всѣхъ неясныхъ умовъ и при которой можно придти только къ недовольству и къ отрицанію, но никакъ не къ выработкѣ собственнаго взгляда. Въ чисто научныхъ вопросахъ можно ограничиться простымъ опроверженіемъ заблужденія, даже въ томъ случаѣ, если критикъ не въ состояніи самъ поставить позитивную истину на мѣсто заблужденія, но въ практическихъ вопросахъ, гдѣ твердо установлена необходимость дѣйствія, и гдѣ рѣчь идетъ лишь о томъ, намъ слѣдуетъ дѣйствовать, недостаточно отвергнуть, какъ неправильное, данное другимъ позитивное указаніе, но нужно замѣнить его другимъ. Я жду, чтобы это произошло въ отношеніи даннаго мною указанія, но до сихъ поръ для этого не было сдѣлано ни малѣйшихъ шаговъ.

Только по поводу одного побочнаго обстоятельства, которое къ моей теоріи, какъ таковой, не имѣетъ никакого отношенія. да будетъ мнѣ позволено сказать въ заключеніе нѣсколько словъ, такъ какъ это обстоятельство вызываетъ протесты даже со стороны тѣхъ лицъ, съ которыми я въ остальномъ нахожусь въ согласіи. Это—мое утвержденіе о причиненной Шейлоку несправедливости (стр. 48 и сл.).

Не въ томъ заключалось мое утверженіе, что судья долженъ былъ признать дѣйствительной расписку Шейлока, а въ томъ, что, если онъ это однажды сдѣлалъ, онъ не долженъ былъ потомъ при помощи недостойной хитрости лишать ее силы при исполненіи судебного рѣшенія. Судья имѣлъ возможность выбора между признаніемъ расписки дѣйствительною или недѣйствительною. Онъ сдѣлалъ первое, и Шекспиръ изображаетъ дѣло такъ, будто это рѣшеніе согласно праву было единственно возможнымъ. Никто въ Венеціи не сомнѣвался въ дѣйствительности расписки; друзья Антоніо, самъ Антоніо, дожъ, судъ. всѣ были согласны въ томъ, что право—на сторонѣ еврея *). И въ этой твердой увѣренности въ своемъ признанномъ всѣми правѣ обращается Шейлокъ съ призывомъ о помощи къ суду, и „мудрый Даниилъ“, сдѣлавшій предварительно тщетную попытку склонить жаждущаго мести вѣрителя къ отреченію отъ своего права, признаетъ послѣднее. И теперь, послѣ того, какъ судебное рѣшеніе постановлено. послѣ того, какъ всякое сомнѣніе относительно права еврея устранено самимъ сулѣю и никакое возраженіе противъ этого права больше не можетъ быть высказано, послѣ того, какъ все собраніе, включая дожа, преклонилось передъ непреложнымъ приговоромъ права. — теперь, когда по дитель, вполне увѣренный въ своемъ дѣлѣ, хочетъ приступить къ осуществленію того, на что его уполномочиваетъ приговоръ. тотъ же самый судья, который торжественно призналъ его право,

*) Актъ III, сц. 3. Антоніо: „Не властенъ дожъ *законы* нарушать...“ Актъ IV; сц. 1. Дождъ: „Мнѣ тебя душевно жаль“. Антоніо: „... и такъ какъ *нѣтъ законныхъ средствъ* меня освободить отъ ненависти этой...“ Порція: „Помѣшать не могутъ вамъ законы Венеціи... Нѣтъ, такъ нельзя. *Уставленный законъ* перемѣнить нельзя ничѣмъ властью въ Венеціи... Духъ и текстъ закона совершенно согласны съ тѣмъ *выскажемъ*, что здѣсь, въ семь вексовъ, означено такъ ясно... Мясъ фунтъ изъ тѣла сего купца принадлежитъ тебѣ; *законъ его даетъ, судъ—присуждаетъ*“. (Переводъ П. И. Вейнберга). Такимъ образомъ *правовое положеніе*, вслѣдствіе котораго расписка имѣетъ полную силу. *jus in thesi*, не только признано всѣмъ совершенно несомнѣннымъ, но и *приговоръ. jus in hypothesis*, уже *провозглашенъ*, чтобы затѣмъ (юрнсть сказала бы: въ исполнительной инстанціи) быть уничтоженнымъ самимъ сулѣю при помощи недостойнаго коварства. Совершенно такъ же могъ бы судья присудить должника къ уплатѣ и въ исполнительной инстанціи предложить вѣрителю вытѣщить деньги голыми руками изъ доменной печи или получить удовлетвореніе, если должникъ—кровельщикъ, на вершинѣ башни, а если онъ—водолавъ, то на днѣ моря, такъ какъ относительно мѣста уплаты въ долговой распискѣ ничего не сказано!

уничтожаетъ его посредствомъ оговорки, посредствомъ такой жалкой и ничтожной увертки, которая даже недостойна сколько-нибудь серьезнаго опроверженія. Развѣ бываетъ мясо безъ крови? Судья, признавшій за Шейлокомъ право вырѣзать фунтъ мяса изъ тѣла Антоніо, призналъ за нимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и право на кровь, безъ которой мяса не можетъ быть, и тотъ, кто имѣетъ право отрѣзать фунтъ, можетъ, если хочетъ, взять и меньше. И въ томъ, и въ другомъ еврей отказывается: онъ долженъ взять одно мясо безъ крови и вырѣзать ровно фунтъ, не больше и не меньше. Развѣ я впалъ въ преувеличеніе, сказавъ, что еврей обманутъ здѣсь въ своемъ правѣ? Конечно, это дѣлается въ интересахъ гуманности, но развѣ несправедливость, сдѣланная въ интересахъ гуманности, перестаетъ быть несправедливостью? И развѣ ужъ цѣль должна оправдывать средство, то почему это должно имѣть мѣсто не въ судебномъ приговорѣ, а только послѣ приговора?

Возраженію противъ защищаемаго здѣсь и въ самомъ сочиненіи взгляда, много разъ уже высказывавшемуся со времени появленія въ свѣтъ этой книги, двое юристовъ послѣ выхода шестого изданія (1880 г.) посвятили свои брошюры. Одна изъ нихъ принадлежитъ перу президента ландгерихта А. Питчера: Юристъ и поэтъ, Опытъ изслѣдованія „Борьбы за право“ Іеринга и „Венеціанскаго купца“. Шекспира (A. Pietscher, Jurist und Dichter, Versuch einer Studie über Ihering's Kampf um's Recht und Shakespeare's Kaufmann von Venedig. Dessau 1881). Передаю сущность взгляда автора его собственными словами (стр. 23): „Пообѣда надъ хитростью посредствомъ еще болѣе хитрости, мошенникъ попадаетъ въ свою собственную ловушку“. Первою частью этого предложенія авторъ только передаетъ мой собственный взглядъ; я не утверждалъ ничего другого, кромѣ того, что Шейлокъ посредствомъ хитрости обманутъ въ своемъ правѣ, но развѣ право можетъ и должно прибѣгать къ подобнымъ средствамъ? На этотъ вопросъ авторъ не далъ отвѣта, и я сомнѣваюсь, чтобы онъ въ качествѣ судьи примѣнилъ подобное средство. Что касается второй части предложенія, то я спрашиваю: если законъ Венеціи объявилъ подобную расписку дѣйствительною, то развѣ еврей становится мошенникомъ потому, что онъ призвалъ этотъ законъ, и если видѣтъ въ этомъ ловушку, то на кого падаетъ отвѣтственность за это: на него или на законъ? Такого рода дедукціей мое мнѣніе не опровергается, а наоборотъ—укрѣпляется. По другому пути идетъ второе произведеніе, авторомъ котораго является вюрцбургскій профессоръ Іос. Колеръ: Шекспиръ передъ судомъ юриспруденціи (Jos. Kohler: Shakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz. Würzburg 1888). По его мнѣнію, сцена суда въ „Венеціанскомъ купцѣ“ содержитъ „квинтэссенцію сущности и развитія права

въ ихъ основаніи и заключаетъ болѣе глубокую юриспруденцію, чѣмъ десять учебниковъ пандектъ, и сообщаетъ намъ болѣе глубокий взглядъ на исторію права, чѣмъ всѣ правно-историческія сочиненія отъ Савиньи до Іеринга“ (стр. 6). Мы надѣемся, что часть этой феноменальной заслуги Шекспира передъ юриспруденціей приходится на долю Колумба, впервые открывшаго этотъ Новый Свѣтъ права, о существованіи котораго вся юриспруденція до сихъ поръ не имѣла никакого понятія; по правиламъ о нахождѣ клада ему причитается половина, вознагражденіе, которымъ онъ могъ бы быть доволенъ при той неизмѣримой цѣнности, какую онъ этому кладу приписываетъ. Я долженъ предоставить читателю ознакомиться по самой книгѣ съ „богатствомъ юридическихъ идей, которыя Шекспиръ въ изобиліи даетъ въ своемъ произведеніи“ (стр. 92), хотя и не могъ бы взять на себя ответственности посылать предавную изученію права молодежи въ школу Порціи, гдѣ преподается новое Евангеліе права. Но въ остальномъ Порціи честь и слава! Ея приговоръ „есть побѣда просвѣтленнаго правосознанія надъ темной ночью, которая тяготѣла надъ прежнимъ правовымъ строемъ, это—побѣда, которая прячется за мнимыя основанія и принимаетъ личину ложной мотивировки въ силу необходимости; но это—побѣда, великая, грандіозная побѣда: побѣда не только въ отдѣльномъ процессѣ, побѣда въ исторіи права вообще, это—солнце прогресса, снова бросившее свои согревающіе лучи въ залъ суда, и царство Зороастра торжествуетъ надъ силами ночи“. Къ Порціи и Зороастру, съ именами которыхъ связывается начало новой, провозглашенной нашимъ авторомъ юриспруденціи, мы должны присоединить еще дожа, который, будучи до той поры еще связанъ цѣпями „прежней юриспруденціи“ и находясь во власти „силъ ночи“, освобождается благодаря спасительному слову Порціи и познаетъ „всемірно-историческую“ миссію, которая при этомъ выпадаетъ и на его долю. Онъ основательно исправляетъ свое прежнее упущеніе. Прежде всего онъ объявляетъ Шейлока виновнымъ въ покушеніи на убійство. „Если въ этомъ и есть несправедливость, то такая несправедливость во всемірно-историческомъ отношеніи является совершенно обоснованной, это — всемірно-историческая необходимость, и введеніемъ этого элемента Шекспиръ, какъ историкъ права, превзошелъ самого себя. — Не только отвергнуть домогательства Шейлока, но и наказать его, необходимо для того, чтобы увѣнчать побѣду, съ которою приходитъ новая преображенная правовая идея“ (стр. 95). Затѣмъ онъ приговариваетъ еврея къ переходу въ христіанство. И „это требованіе выражаетъ универсально-историческую истину. Это требованіе претитъ нашему чувству и противно свободѣ вѣроисповѣданія, но оно соответствуетъ ходу міровой исторіи, которая гнала тысячи людей въ

лово новой религіи не кроткимъ словомъ обращенія, а угрозою палача“ (стр. 96). Это—„согрѣвающіе лучи, которые солнце прогресса бросило въ залъ суда“,—евреи и еретики узнали нѣкогда ихъ согрѣвающую силу на кострахъ Торжвемады! Такъ торжествуетъ царство Зороастра надъ силами ночи. Порція, какъ мудрый Даніиль опрокидывающая вверхъ ногами прежнее право; дождь, идущій по ея слѣдамъ; воспримчивый къ „болѣе глубокой юриспруденціи и квинтэссенціи сущности и развитія права“ юристъ, оправдывающій ея приговоры формулой „всемирно-историческій“, — и дѣло сдѣлано! Вотъ „судъ юриспруденціи“, на который пригласилъ меня авторъ. Онъ долженъ примириться съ тѣмъ, что я за нимъ туда не послѣдую, такъ какъ во мнѣ сидитъ еще слишкомъ много старой юриспруденціи изъ „учебниковъ пандектъ“, чтобы я могъ содѣйствовать новой эрѣ юриспруденціи, которую онъ передъ нами раскрываетъ; и я не позволю и въ области исторіи права сбить меня съ того пути, по которому я слѣдовалъ до сихъ поръ, убійственнымъ заявленіемъ, что, если бы только я былъ вооруженъ проницательностью этого писателя, я могъ бы изъ „Венеціанскаго купца“ почерпнуть болѣе глубокіе взгляды на развитіе права, чѣмъ изъ всѣхъ источниковъ положительнаго права и изъ всей правно-исторической литературы нашего вѣка отъ Савиньи до настоящаго времени.

Изъ напечатаннаго въ американскомъ журналѣ „Albany Law Journal“ (27 дек. 1879 г.) разбора появившагося въ Чикаго англійскаго перевода моего произведенія я узналъ, что тотъ же самый взглядъ относительно приговора Порціи, который я защищалъ въ моемъ произведеніи, уже до меня былъ въ одинъ изъ прошедшихъ годовъ высказанъ въ этомъ журналѣ сотрудникомъ послѣдняго, и авторъ статьи можетъ объяснить себѣ это совпаденіе не иначе, какъ предположеніемъ о плагиатѣ съ моей стороны („украдено“—выражается онъ не совсѣмъ вѣжливо). Я не хотѣлъ скрыть отъ нѣмецкой публики это интересное открытіе: это—верхъ того, что можетъ быть совершенно въ области плагиата, такъ какъ во время писанія своей работы я не только не видѣлъ этого изданія, но даже не имѣлъ понятія о его существованіи. Можетъ быть, я узнаю потомъ, что вообще мое произведеніе написано не мною, а только переведено мною на нѣмецкій языкъ съ появившагося въ Америкѣ англійскаго перевода. Редакція „Albany Journal“, впрочемъ, въ отвѣтъ на мое опроверженіе, въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ (№ 9 отъ 28 февраля 1880 г.) объяснила все случившееся шуткой,—странными шутками развлекаются по ту сторону океана.

Я не могу закончить это перенесенное безъ измѣненій изъ прежнихъ изданій предисловіе, не удѣливъ нѣсколько словъ памяти женщины, которой была посвящена эта книжка при своемъ появленіи

на свѣтъ. Со времени выхода девятаго изданія (1889 г.) смерть похитила эту женщину, лишивъ меня друга (право называть ее этимъ именемъ было предметомъ моей гордости). Она была одною изъ самыхъ выдающихся женщинъ, которыя встрѣчались мнѣ въ моей жизни, выдающеюся не только своимъ умомъ и необыкновеннымъ образованіемъ и начитанностью, но и прекраснѣйшими свойствами сердца и характера, и я считаю однимъ изъ счастливѣйшихъ поворотовъ моей судьбы то обстоятельство, что приглашеніе меня въ Вѣну дало мнѣ возможность стать въ болѣе близкія отношенія къ ней.

Пусть эта книжка, носящая ея имя на первыхъ своихъ страницахъ, сохранить его вмѣстѣ съ моимъ именемъ въ болѣе широкихъ кругахъ въ теченіе того времени, которое ей еще суждено прожить; о болѣе долгой жизни его въ тѣсномъ кругу историковъ литературы позаботилась сама носительница его, оставивъ цѣнныя очерки о Трильпарцерѣ, съ которымъ ее связывала личная дружба.

Д-ръ Рудольфъ фонъ-Іерингъ.

Геттингенъ, 1 іюля 1891 г.
